

Глава 1

СОММИТА

Одним из многих чудесных навыков пения, которыми обладала Изабелла Соммита, было дыхание: оно было совершенно незаметным. Даже во время исполнения самых трудных пассажей и самых ошеломительных взлетов ее колоратурного сопрано корсаж Изабеллы никогда не колыхался.

«Можно бросить кубик льда в вырез ее платья, — хватался ее менеджер Бен Руби, — и даже тогда ее грудь не шелохнется».

Это замечание он отпустил, сидя в ложе прямо над дивой, выступающей в Королевском фестивальном зале — и сказал при этом истинную правду. Вне сцены, когда у Ла Соммиты случался один из нередких для нее приступов гнева, грудь ее вздымалась весьма бурно.

Именно это происходило сейчас в ее приватном номере в сиднейском отеле «Шато Австралазия». Соммита была в домашнем халате, и было совершенно очевидно, что она недовольна, и что причина ее недовольства лежит на столе: газета, сложенная так, чтобы была видна фотография на полстраницы с огромным заголовком «СВАРЛИВАЯ БАБА?» и подзаголовком «Ла Соммита недовольна!».

Фото было сделано накануне в сиднейском районе Дабл Бей. Фотограф в мягкой белой шляпе, закрывающем пол-лица белом шарфе и темных очках выскочил из переулка и шелкнул фотоаппаратом. Она не успела повернуться к нему спиной и получилась на фото с отвисшей челюстью и полуприкрытым левым глазом (с ним

это часто случалось, когда ею овладевал гнев), похожей на пожилую разгневанную горгулью на приеме у дантиста. Подпись под фото гласила: «Филин».

Она стукнула по газете довольно большим белым кулаком, впечатав в бумагу кольца, украшавшие ее пальцы. Она часто и тяжело дышала.

— Выпороть бы его кнутом, — пробормотал Монтегю Реес. Он считался давним любовником Соммиты и исполнял эту роль так, как традиционно считалось правильным: это был богатый мужчина, крупный, с бледным лицом; он говорил приглушенным голосом, страдал от несварения и был в целом недоволен жизнью. Поговаривали, что в своем мире он обладает большой властью.

— Конечно, его нужно выпороть! — вскричала его подруга. — Но где тот друг, который пойдет и сделает это? — Она расхохоталась и обвела комнату презрительным жестом, включающим всех присутствующих. Газета упала на пол.

— Лично я, — сказал Бен Руби, — не знаю даже, с какой стороны братья за кнут.

Она бросила на него ледяной взгляд.

— Я не хотел острить, — сказал он.

— У тебя и не получилось.

— Нет.

Молодой человек романтического вида, сидевший на стуле поодаль позади дивы, прижал к животу папку с нотами и спросил с легким австралийским акцентом:

— Неужели ничего нельзя сделать? Разве на них нельзя подать в суд?

— За что? — спросил мистер Руби.

— Ну, за диффамацию. Ради бога, вы только взгляните на это! — воскликнул молодой человек. — Я хочу сказать, вы только *посмотрите!*

Двое других мужчин взглянули на него, а Соммита, не поворачивая головы, сказала: «Спасибо, дорогой», и про-

тянула руку. Жест можно было истолковать лишь одним способом: это было приглашение; нет, даже приказ. Красивое лицо молодого человека залилось ярким румянцем, он встал и, продолжая удерживать норовившую упасть папку, подошел и почтительно наклонился, чтобы запечатлеть поцелуй на пальцах Соммиты. Папку он не удержал, ее содержимое вывалилось и разлетелось по ковру: множество листков с записанными от руки нотами.

Он упал на колени и принялся ползать по полу.

— Простите, — бормотал он. — Ох, черт, мне так жаль.

Соммита обрушила на австралийскую прессу полномасштабную атаку. Руперт, сказала она, указав на молодого человека, совершенно прав. На прессу следует подать в суд. Нужно вызвать полицию. Фотографа вышвырнуть из страны. Разве можно терпеть то, как он разрушает ее жизнь, ее карьеру, ее душевное здоровье, и делает из нее посмешище для обоих полушарий планеты? (У нее была привычка вставлять в разговор географические данные.) Она согласилась на выступления в Австралии единственно ради того, чтобы сбежать от его подлого поведения — разве не так?

— Ты уверена, — спросил мистер Реес бесцветным голосом, — что это один и тот же человек? Филин?

Это замечание вызвало целую тираду. Уверена! Уверена! Разве этот мерзкий Филин не выскакивал из укрытия во всех столицах Европы, а также в Нью-Йорке и Сан-Франциско? Разве он не фотографировал Соммиту крупным планом, повергая ее в полнейшее смятение? *Уверена!* Грудь ее бурно вздымалась. Ну так что они собираются со всем этим делать? Ее защитят, или она должна пережить нервный срыв, потерять голос и провести остаток дней в смиренной рубашке? Ей просто хотелось бы это знать.

Двое мужчин обменялись бесстрастным взглядом.

— Мы можем нанять еще одного телохранителя, — без всякого энтузиазма предложил Монтегю Реес.

— Тот, что был в Нью-Йорке, не очень-то ей нравился, — возразил мистер Руби.

— Конечно, не нравился, — согласилась Соммита, громко дыша и раздувая ноздри. — Нет ничего веселого в том, чтобы за тобой по пятам ходил идиот в неописуемом наряде, который абсолютно ничего не сделал для того, чтобы предотвратить то безобразие на Пятой Авеню. Он просто стоял и тарашил глаза. Кстати, как и вы все.

— Милая, а что еще мы могли сделать? Тот парень прыгнул на пассажирское сиденье в открытой машине, и она умчалась, как только он сделал снимок.

— Спасибо, Бенни. Я помню обстоятельства этого случая.

— Но *зачем?* — спросил молодой человек по имени Руперт. — Что на него нашло? Ну то есть это же бессмысленно, и к тому же очень дорого — следовать за вами по всему свету. Он, должно быть, сумасшедший.

Как только эти слова слетели с его губ, он осознал свою ошибку и принялся бормотать. Возможно, из-за того, что он стоял на коленях и в буквальном смысле был у ее ног, готовая взорваться Соммита наклонилась и взъерошила его светлые волосы.

— Бедняжка! — сказала она. — Ты говоришь совершенно, абсолютно нелепые вещи, и я тебя обожаю. Я тебя не представила, — добавила она, спохватившись. — Я забыла твою фамилию.

— Бартоломью.

— В самом деле? Что ж, Руперт Бартоломью, — провозгласила она, взмахнув рукой.

— Здравствуйте, — пробормотал молодой человек.

Остальные кивнули.

— Зачем он это делает? Он делает это ради денег, — нетерпеливо сказал Монтегю Реес, возвращаясь к фотографу. — Нет никаких сомнений, что эта идея возникла у него после инцидента с Жаклин Кеннеди. Он завел дело гораздо дальше, и весьма успешно. Весьма.

— Верно, — согласился Руби. — И чем дольше он этим занимается, тем более... — он помедлил, — тем более возмутительным получается результат.

— Он использует ретушь, — вмешалась Соммита. Он искажает действительность. Я это знаю.

Все трое поторопились с ней согласиться.

— Я пойду одеваться, — неожиданно сказала она. — Сейчас же. А когда вернусь, то желаю услышать разумное решение вопроса. Я выдвигаю свои предложения, как бы вы к ним ни относились. Полиция. Судебное преследование. Пресса. Кто владелец этой... — она пнула оскорбившую ее газету и с некоторым трудом высвободила попавшую между страницами ступню, — этой макулатуры? Займитесь им. — Она широким шагом направилась к двери в спальню. — И я предупреждаю тебя, Монти. Я предупреждаю, Бенни. Это мое последнее слово. Если мне не предоставят убедительные доказательства того, что это преследование прекратится, я не буду петь в Сиднее. Пусть засунут себе поглубже свой Сиднейский оперный театр, — добавила Соммита, проявив таким образом свое предполагаемое происхождение.

Затем она удалилась, не забыв хлопнуть дверью.

— О боже, — тихо сказал Бенджамин Руби.

— Да уж, — вздохнул Монтегю Реес.

Молодой человек по имени Руперт Бартоломью, собрав листы в папку, поднялся с колен.

— Полагаю, мне лучше...

— Да? — сказал мистер Реес.

— Удалиться. Я хочу сказать, все это вышло как-то неловко.

— Что именно?

— Ну, понимаете, мадам... Мадам Соммита попросила меня... То есть она сказала, чтобы я принес вот это... — он с сомнением указал на папку.

— Осторожно, — сказал Бен Руби, не пытаясь поддать в своем голосе нотку покорности, — у вас сейчас

опять все вывалится. Это вы написали? — спросил он скорее утвердительно.

— Да, верно. Она сказала, что я могу принести ноты.

— Когда она это сказала? — уточнил Реес.

— Вчера вечером. То есть... ночью. Около часа. Вы как раз уходили с вечеринки в итальянском посольстве. Вы вернулись за чем-то — кажется, за ее перчатками, а она была в машине. Она меня увидела.

— Шел дождь.

— И очень сильный, — гордо сказал молодой человек. — Я был там совсем один.

— Вы заговорили с ней?

— Она подозвала меня кивком. Опустила стекло в машине и спросила меня, как долго я жду, и я сказал, что три часа. Она спросила, как меня зовут и чем я занимаюсь. Я ответил. Я играю на фортепиано в маленьком оркестре и даю уроки. И печатаю на машинке. А потом я сказал ей, что у меня есть все ее пластинки, и... Она была так мила. Я хочу сказать, она была мила ко мне, там, под дождем. Я вдруг обнаружил, что рассказываю ей о том, что написал оперу — короткую, одноактную, посвященную ей, написал *для нее*. Но не потому, что я мечтал, что она когда-нибудь ее услышит, вы же понимаете. О бог мой, конечно же нет!

— И она, — предположил Бенджамин Руби, — сказала, что вы можете показать свою оперу ей.

— Да, так и было. Сегодня утром. Мне кажется, ей было жаль меня, потому что я так промок.

— И вы сделали это? — спросил мистер Реес. — Не считая того момента, когда разбросали ноты по ковру?

— Нет. Я как раз собирался, когда пришел официант с сегодняшними газетами и... она увидела ту фотографию. А потом пришли вы. Наверное, мне лучше уйти.

— Наверное, сейчас не очень подходящий момент... — начал мистер Реес, когда дверь в спальню распахнулась и в комнату вошла пожилая женщина с черными как

смоль волосами. Она указала на Руперта жестом, которым обычно подзывают официанта.

— Она хочет вас, — сказала женщина. — Музыка тоже.

— Хорошо, Мария, — сказал мистер Руби и повернулся к молодому человеку. — Мария — костюмерша мадам. Вам лучше пойти с ней.

И Руперт по фамилии Бартоломью, сжимая в руках ноты своей оперы, вошел в спальню Ла Соммиты — так муха влетает в паутину, из которой уже не выберется, но он об этом еще не знал.

— Она сожрет этого мальчишку, — бесстрастно сказал мистер Руби, — за один присест.

— Уже наполовину заглотила, — согласился с ним ее покровитель.

II

— Я пять лет хотела написать портрет этой женщины, — сказала Трой Аллейн. — А теперь взгляни!

Она подтолкнула к нему письмо через стол, за которым они завтракали. Ее муж прочел письмо и вздернул бровь.

— Поразительно, — сказал он.

— Знаю. Особенно тот кусок, где речь о тебе. Как именно там написано? Я слишком разволновалась, чтобы все это отложилось у меня в голове. А кто вообще написал письмо? Оно ведь не от *нее*, заметь.

— Монтегю Реес, ни больше ни меньше.

— А почему «ни меньше»? Кто такой Монтегю Реес?

— Жаль, что он не слышит, как ты об этом спрашиваешь, — сказал Аллейн.

— Почему? — снова спросила Трой. — А, знаю! Он же ведь очень богат?

— Можно так сказать. В дурно пахнущих сферах. На самом деле он колосс вроде мистера Онассиса.